

ЭЙМИ КАРТЕР

АНИМОКСЫ

ПЯТЬ
ОСКОЛКОВ

Эйми Картер
Пять Осколков
Серия «Анимоксы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65565721

*Пять Осколков:
ISBN 978-5-04-155460-6*

Аннотация

Саймон Торн недавно узнал, что он Анимокс. Анимоксы не только понимают животных, но и умеют в них превращаться! Теперь, впервые в жизни, у Саймона есть настоящие друзья, с которыми он может тренироваться и учиться в секретной Академии. Но, несмотря на то что жизнь понемногу налаживается, он не перестаёт скучать по матери, которую держит в плену его дед Орион. Он стремится захватить животный мир и стать полноправным правителем всех Пяти Царств. Чтобы спасти маму из когтистых лап Ориона, Саймон отправляется в опасное путешествие, рискуя всем, что у него есть. Справится ли Саймон с трудной миссией и под силу ли ему это испытание?

Бестселлер по версии престижного немецкого журнала Spiegel.
Вторая книга в серии «Анимоксы».

Содержание

1	5
2	20
3	35
4	54
5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эйми Картер

Пять Осколков

Посвящается Кортни

© Чамата Т.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ранняя пташка

– Саймон, пригнись!

Саймону Торну хватило одного только взгляда на огромного лося, целящегося рогами ему в голову. Он уставился на сохатого огромными от ужаса глазами и рухнул на песок, чтобы как можно скорее добраться до края ямы. Лось, запрокинув голову, захохотал.

– Что будешь делать, Саймон? – поинтересовался Малкольм с трибуны, окружавшей тренировочную площадку. С бешено колотящимся сердцем Саймон вжался в каменный барьер, но его крепкий темноволосый дядя не показал ни единого признака тревоги. Он всегда вёл себя так на ежедневных утренних тренировках, какое бы животное на Саймона ни нападало. Это было даже как-то обидно.

– Да, Саймон, – насмешливо бросил лось, подскакивая к нему. – Как собираешься выпутываться?

Саймон поднялся на ноги, пошатываясь, но не сводя с лося взгляда. Тот возвышался над ним, и Саймон подозревал, что, выйди на бой его дядя, лось превзошёл бы в размерах и его. А Малкольм, в отличие от маленького для своего роста Саймона, был высоким и довольно широкоплечим мужчиной. Мало какой человек или зверь захотел бы доброволь-

но с ним связываться.

– Сбегу, – просто ответил Саймон.

– Сейчас тебе не сбежать. Ещё варианты? – спросил Малкольм. Он был прав, разумеется. Даже если бы Саймон выбрался из ямы, он бы всё равно никуда не делся из ПРИЮ-Та – Передового результативного института для юных талантов, спрятанного глубоко под зоопарком Центрального парка, где тренировались студенты-анимокси. До недавнего времени Саймон не мог даже представить, что подобное заведение может существовать, и уж тем более не думал, что когда-то будет в нём учиться.

С самого детства Саймон жил в Нью-Йорке, считая себя совершенно обыкновенным мальчиком. Но год назад он неожиданно обнаружил в себе способность говорить с животными – и ничего обыкновенного в этом не было. Конечно, он никому об этом не рассказал – ни маме, ни дяде Дэррилу, который его вырастил. На протяжении целого года вся школа считала его сумасшедшим, и поначалу он думал, что так оно и есть.

Но Саймон не сумасшедший. Он анимокс – человек, способный не просто общаться с животными, но и превращаться в них. Разумеется, сначала он в это не верил, как не поверил бы любой разумный семиклассник. Но потом прямо на его глазах дядя Дэррил превратился в огромного серого волка, и весь мир перевернулся.

Сейчас, два месяца спустя, вместо того чтобы учить ма-

тематику с географией, как большинство двенадцатилеток, Саймон сражался с лосем. Если ему не сбежать, то что тогда делать?

– Драться? – предположил он. Он старался не моргать, и изображение потихоньку начинало расплываться. Но он знал, что стоит ему проявить хоть малейшую слабость, и лось на него нападёт.

– С тем, у кого такие рога? Не пойдёт, – сказал Малкольм. Краем глаза Саймон заметил, что дядя строгаёт какую-то деревяшку. Чудно. Он на него даже не смотрел.

– Я не стану превращаться, – отрезал Саймон, медленно подбираясь к выходу, ведущему в остальные помещения школы. Дверной проём был слишком узким – лось со своими рогами туда бы не прошёл.

– Рано или поздно придётся, Саймон, – сказал Малкольм. – Ты не сможешь подавлять свою сущность вечно.

«Это мы ещё посмотрим», – подумал Саймон, пусть и не рискнул озвучить вслух. Вместо этого он пробормотал:

– Ну, я хотя бы не лось.

Тот в ответ издал странный звук, похожий на нечто среднее между стоном и ржанием.

– Не нравятся мои рога? Ладно. Посмотрим, как ты теперь запоешь.

Спустя мгновение лось начал меняться – настолько быстро, что Саймон едва успел осознать, что происходит. Рога исчезли, тело и длинные ноги уменьшились, а коричневый

мех сменился на чёрный с длинной белой полосой на спине. Не успел Саймон моргнуть, как лось пропал, и на него уставился скунс.

Развернувшись, Саймон бросился к двери, дёрнул за ручку и застонал, когда она не поддавалась. Он был заперт.

– Дядя Малкольм! – недовольно воскликнул он. Тот вскинул взгляд.

– Чтобы посторонние не вошли, – пояснил он, хотя было настолько рано, что Саймон очень сомневался, что кто-то из учеников уже проснулся.

Скунс подскочил к нему, поднимая пушистый хвост.

– Угадай, что я могу.

– Я и так знаю. Доказывать не обязательно, – сказал Саймон, напряжённо оглядываясь и ища пути отступления. Единственный вариант – перелезть через стену и забраться на трибуны, но скунс прижал его к двери.

– Вчера на ужин была целая гора фасоли, – сказал он, повернувшись к Саймону хвостом. – Так и чувствую, что-то сейчас будет.

Выбора не осталось: Саймон кинулся вперёд и перепрыгнул скунса в тот момент, когда тот выпустил вонючую струю. Зажав нос, Саймон взбежал по трибунам так высоко, как только мог. Но запах оказался настолько сильным, что по пути вверх пришлось сдерживать рвотные позывы.

– Нолан! – Вот теперь дядя Малкольм обратил на них внимание и встал, тоже зажимая нос. – Что ты творишь?

– Пытаюсь заставить его взлететь, как ты и просил, – ответил скунс, возмущённо распушив хвост. – И пахнет не так уж плохо!

– А ты попробуй превратиться обратно в человека, посмотрим, как тогда ты запоёшь, – крикнул Саймон с самого верха.

Нолан фыркнул.

– Ты как ребёнок, – сказал он и, словно в качестве доказательства, вновь начал превращаться. В этот раз он решил не превращаться в животное: чёрно-белый мех на голове стал каштановыми волосами, лапы удлинились до размеров человеческих рук и ног, а мордочка с маленькими глазками поменялась на лицо, и тогда на месте скунса оказалась точная копия Саймона в точно такой же чёрной форме ПРИЮТа.

Саймон познакомился с Ноланом всего два месяца назад, когда безуспешно пытался пробраться в школу и найти пропавшую маму. Всю жизнь до этого Саймон провёл в нескольких километрах, в квартире в Верхнем Вест-Сайде – а вот Нолан с мамой жили под зоопарком Центрального парка. Она навещала Саймона только в Рождество и на дни рождения, и мысли об этом до сих пор иногда его расстраивали. Она ни разу даже не упомянула, что у Саймона есть брат-близнец.

Думы Саймона прервали звуки рвотных позывов брата, стоящего на дне ямы. Долго Нолан терпеть не смог: он со всех ног бросился по трибунам к спиральной лестнице.

– Какая гадость! – заорал он, забежав на верхний этаж, где располагался офис дяди Малкольма.

– Саймон... – начал было тот.

– Я не виноват, это всё Нолан! – откликнулся он, кидаясь вслед за братом и оставляя дядю ворчать в одиночестве.

Выбравшись из ямы, Саймон глубоко вздохнул и тут же понял, что вонь пропитала одежду насквозь. Восхитительно. В школе его и так не особо любили – а если он пойдёт на завтрак, воняя, как скунс, то даже друзья начнут его избегать.

Саймон поправил повязку на рукаве, переворачивая силуэт орла на внутреннюю сторону руки, чтобы его не было видно. Впервые в орла он превратился два месяца назад, и, хотя в целом летать было невероятно круто, в ПРИЮТе он был единственной Птицей. Его дедушка, Орион, предводитель Птиц, начал войну со зверями задолго до рождения Саймона, а поскольку школой управляли именно они, птиц в неё не брали. Саймона пустили только потому, чтобы он был братом Нолана.

– Помоги дяде Малкольму убраться в яме, – сказал Саймон, отыскав брата в коридоре верхнего этажа. Ученикам сюда ходить было нельзя, но поскольку Малкольм не просто директор ПРИЮТа, но и Альфа всего Звериного Царства, никто Саймона с Ноланом не ругал.

Нолан скривился.

– Сам помоги. Если бы ты превратился, не пришлось бы на тебя нападать.

– Говорил же, не люблю летать в яме, – ответил Саймон. И хотя он не соврал, была ещё одна причина – куда более важная, – по которой он не любил превращаться на людях.

Все анимоксы умели превращаться только в одно животное Пяти Царств: зверей, птиц, насекомых, рептилий или подводных животных. А Нолан был исключением. Он потомок Звериного короля, тирана, который мог превращаться в любое животное, из-за чего победить его было практически невозможно. И хотя прошло уже пятьсот лет с момента, как пять царств объединились и свергли его, род Звериного короля продолжился. К нему принадлежал отец Саймона и Нолана. Он был наследником Звериного короля – а потом его убили. Два месяца назад выяснилось, что способности перешли к Нолану, и именно поэтому дядя Малкольм запирает двери в яму, несмотря на очень раннее утро, когда на небе ещё даже не показалось солнце. Если бы кто-то узнал про существование потомков Звериного короля, Пять Царств снова бы охватила война – и на этот раз все пытались бы убить Нолана.

Саймон не мог этого допустить. Но вместе с тем не мог раскрыть и свою тайну – настоящую причину, по которой он не хотел превращаться, когда его кто-то видит. Не мог рассказать даже Нолану. Особенно Нолану. Несмотря на шаткий мир, наступивший после напряжённого знакомства. И это ещё мягко сказано! Саймон уверен – стоит Нолану выяснить, что он не такой уж и особенный, брат снова его воз-

ненавидит.

– Просто помаши немного крылышками, и дяде Малкольму этого хватит, – раздражённо сказал Нолан. – Не понимаю, чего ты упрямишься.

– Ничего, когда-нибудь перестанет, – раздался за их спинами голос Малкольма. Видимо, он пошёл за ними. – А ты перестанешь использовать только звериные формы и начнёшь превращаться в представителей других Царств.

– Я постоянно превращаюсь в других животных, – сказал Нолан, запихивая руки в карманы и останавливаясь перед дверью кабинета Малкольма. – Вчера – в ястреба, например, а позавчера – в аллигатора.

– Звери – самое маленькое Царство, – сказал дядя, – но во время тренировок ты практически всегда выбираешь его. Если хочешь научиться защищаться, то придётся отточить превращения в представителей всех Царств. И, – добавил он, – пора начать за собой убирать. Мне не открыть яму, пока в ней воняет скунсом.

– Пусть Саймон убирается, – фыркнул Нолан.

– Но ты же виноват, – ответил тот. – Нет уж, не буду я за тобой убирать.

– Но я же из-за тебя...

– Хватит. – Малкольм ущипнул себя за переносицу. – Но-лан, иди уберись. Саймон, переоденься. Я запах даже отсюда чую. Но если в ближайшее время не увижу твоих крыльев, то убирать за скунсами будешь самостоятельно.

Саймон достаточно хорошо знал своего брата и прекрасно понимал, что Нолан будет пользоваться вонючей струёй при любой удобной возможности, просто чтобы заставить его убирать.

– Но это нечестно! – воскликнул Нолан. Малкольм положил руку ему на плечо и повёл его по коридору.

– Абсолютно честно. Хватит, пойдём посмотрим, нет ли на кухне пары лишних литров томатного сока.

Когда их голоса стихли, Саймон направился в сторону корпуса Альфы. Подземная часть ПРИЮТа называется Логовом и построена в форме пятиугольника – по стороне на каждое Царство. Поскольку Птиц в школу не допускали, в их корпусе проживал Альфа с семьёй. Как только Саймон переоденется, то останется в корпусе в полном одиночестве, если не считать нескольких волков в охране.

Но спать перед завтраком ему не хотелось. Ему и так не верилось, что появилось время на утренний отдых, и он прекрасно знал, на что потратить свободные сорок пять минут: на тренировки без Нолана и Малкольма. Его дядя хотел увидеть, как Саймон расправляет крылья, но он способен на большее.

В этом и есть секрет Саймона, который он оберегал ото всех, даже от Нолана. Он сам не знал, как так вышло, но брат оказался не единственным, кто унаследовал способности Звериного короля. Саймон тоже умел превращаться в кого пожелает. Но у него, в отличие от брата, не было воз-

возможности потренироваться, и при каждом превращении его терзало мучительное осознание того, что он может подумать не о том животном и раскрыть свой секрет. Именно поэтому он и отказывался превращаться в яме.

Но, несмотря на отсутствие практики, он понимал, что Малкольм отчитывает Нолана не зря. Если Саймон хотел защитить их с братом от людей, стремящихся уничтожить род Звериного короля, ему следовало научиться сражаться, используя облики представителей всех пяти Царств. И поскольку тренироваться в яме он не мог, оставалось только одно место.

Поприветствовав волков, стоящих неподалёку от высоких деревьев, растущих в корпусе Альфы, он поднялся по стеклянной винтовой лестнице и направился в спальню. Их корпус, изначально построенный для Птиц, занимал несколько этажей, и, хотя летать в нём Саймон мог без проблем, превратиться в кого-то другого у него бы не получилось. По крайней мере, пока за ним следили волки.

– Ты рано, – слышался с кровати Саймона сонный голосок. На подушке, свернувшись клубочком, лежал крохотный коричневый мышонок. Феликс был его лучшим другом, но Саймон знал, какое место он занимает в списке приоритетов мышонка. Сразу после сна и телевизора, и это, нужно сказать, очень высоко.

– Ага, Нолан превратился в скунса и навонял. Малкольм заставил его убираться, – сказал Саймон, направившись к

шкафу.

– Теперь ясно, чем так пахнет, – пробормотал мышонок. – Советую помыться.

– А я советую тебе поспать ещё часок и не ворчать.

Феликс забормотал что-то себе под нос, не возражая, а Саймон взял чистые вещи и пошёл в ванную. Но, закрыв дверь, он направился в соседнюю спальню к Нолану.

Под столом в дальнем углу его комнаты скрывался один из нескольких тоннелей, ведущих наверх, в зоопарк. Несмотря на то, что в Нью-Йорке Логово было одним из самых безопасных мест для анимоксов, оно скрывало немало секретов, и один из них Саймон узнал вскоре после прибытия. Отодвинув стул, он наклонился и открыл потайную панель. За ней скрывался проход – настолько маленький, что Саймону приходилось ползти по нему, но много места ему и не требовалось. Закрыв за собой дверь и погрузившись во тьму, он попытался сосредоточиться. Не прошло и секунды, как его тело стало меняться.

Чем меньше он становился, тем больше расширялся холодный тоннель. Было не больно – скорее, щекотно, особенно когда всё тело покрылось мехом. Лицо удлинилось, появился хвост. На мгновение Саймон потерял равновесие, но не успел даже напрячься, как трансформация завершилась: он превратился в мышь. Саймон не знал, облик каких животных он может принимать, но исключений пока не было ни во время тренировок Нолана, ни во время собственных

тайных попыток.

Он побежал по тоннелю, стараясь не шуметь. А как только добрался до выхода, ведущего в самое сердце зоопарка, закрыл глаза и представил себе орла – и тело вновь трансформировалось. Передние лапки увеличились, став крыльями, мех сменили перья, а нос с усиками стал крепким клювом. Он выпрыгнул из тоннеля, задевая длинными когтями вымощенную дорожку. Солнце только-только начало подниматься из-за спин небоскрёбов, окружавших Центральный парк, и благодаря обострившемуся зрению Саймон видел всё даже в тусклом сумеречном свете. Покрутив головой, он поискал следы волчьей стаи, патрулирующей зоопарк после закрытия. Но никого не было видно. По крайней мере, никого, кто мог бы его наказать.

Убедившись в своём одиночестве, Саймон расправил крылья и взлетел. Изначально он планировал просто немного полетать над зоопарком, но поднимался всё выше и выше, привыкая пользоваться перьями, чтобы ловить воздушные потоки. Он пролетел над парком, лавируя между деревьями, и сам не замечал, куда направляется, пока не увидел знакомое здание. Его старый дом – тот самый, в котором он жил с дядей Дэррилом с самого детства.

Два месяца назад дядя Саймона умер на крыше Небесной башни, и это были два тяжелейших месяца его жизни. Он безумно скучал по нему, но большую часть времени притворялся, будто всё хорошо, чтобы никто не догадался о глуби-

не его скорби. Иногда у него даже получалось убедить самого себя, что он привык, что самая большая потеря в жизни осталась в прошлом, а не нависала над ним на расстоянии одной случайной мысли. Но стоило ему покружить над зданием, и боль вгрызлась в него с новой силой – так, что он чуть не забыл, как летать.

Он не мог смотреть на старый дом – очередное напоминание, что дяди Дэррила больше нет. На душе заскребли кошки, и он сел на дерево в Центральном парке неподалёку от дорожки, по которой раньше ходил в школу. Даже огляделся в поисках ребят, которые когда-то его задирали, но было слишком рано. Так что он просто распушил перья и попытался взять себя в руки. Если он будет расстраиваться, Малкольм потребует объяснений – или, того хуже, попробует с ним поговорить.

На веточку рядом с ним опустилась нервно нахохлившаяся малиновка.

– Будешь червяка? – спросила она, и Саймон заметил жирненькое тельце, копошащееся во влажной от росы траве.

– Забирай, – сказал он, но малиновка не шевельнулась.

– Ты же Саймон, да? – спросила она. – Саймон Торн?

Он кинул на малиновку подозрительный взгляд.

– Откуда ты знаешь?

Пока он говорил, на ближайшие деревья село ещё несколько малиновок в сопровождении стайки соек и ворон. Обычно такая птичья компашка завтрак не разделяла. Сай-

мон нервно впился в ветку когтями.

– Орион сказал, что если мы тебя найдём, он даст нам столько червяков, сколько захотим, – сказала малиновка, подпрыгивая ближе. – И семечек. И хлеба. Ты любишь хлеб? Я люблю.

– Я, э-э... – Да, он был орлом, но он понятия не имел, умеет ли он летать быстрее остальных. Птиц собралось уже больше десятка, и все следили за ними глазками-пуговками, дожидаясь от него каких-то действий.

Чудесно.

– Я на завтрак опаздываю, – сказал он малиновке, стараясь говорить как можно спокойнее. – Но можешь съесть червяка. Он такой сочный.

На мгновение взгляд малиновки скользнул на траву, и Саймон вскинулся с ветки и вновь полетел в сторону зоопарка. За спиной слышалось хлопанье крыльев – птицы бросились за ним в погоню. Ветер ударил по перьям; он ускорился и понёсся на скорости, которую ещё ни разу не развивал. Он не мог рисковать и замедляться – ведь за ним охотился Орион.

Его дедушка был не просто предводителем Птиц – он был опасным человеком, и, хотя сначала Саймон по глупости решил, что они на одной стороне, сейчас он знал правду. Орион убил дядю Дэррила, а в последовавшем хаосе похитил маму Саймона, практически лишив его надежды увидеть её снова. Не удивительно, что птицы за ним следили: Саймон

превратился в орла на глазах Ориона, и теперь тот считал, что он должен унаследовать трон Птичьего Царства. Но Саймон был готов скорее выщипать себе все перья, чем вновь помогать деду.

Спустя несколько минут полёта на головокругоходной скорости Саймон наконец сбросил хвост. Убедившись, что никто за ним не следует, он повернул в сторону зоопарка и приземлился на площади, а потом запрыгнул обратно в тоннель и клювом захлопнул решётку. Вновь обернувшись мышью, он побежал по холодному тоннелю – да так быстро, что запыхался, даже не добравшись до потайной двери в спальню Нолана. Остановившись перед ней, он прислушался, не следуют ли за ним. Тишина. Глубоко вздохнув, он сосредоточился на обратном превращении. Тоннель уменьшился, и Саймону пришлось пригнуть голову, но возвращение в собственное тело помогло успокоиться. Превращаться в любое животное на свете было невероятно круто, но лучше всего снова становиться собой.

Руки покалывало; тряхнув ими, Саймон открыл дверцу. Его вылазка длилась недолго. Ещё оставалось время прочитать главу книги, а потом можно встретиться с друзьями и пойти завтракать...

– Ну, как полетал? – раздался низкий голос, и Саймон застыл.

В центре спальни стоял дядя Малкольм.

Тянет кота за хвост

Саймон съёжился, глядя на дядю из тоннеля. Малкольм явно знал, куда ведёт проход, – Альфе были известны все закутки Логова, и Саймон понимал, что придуриваться бесполезно. Оставалось только честно сознаться.

– Простите, – сказал он, чувствуя себя ужасно неуютно. Дядя Малкольм отодвинул стол, не оставив возможности спрятаться. Что ещё хуже, в дверном проёме стоял Нолан, покрасневший от ярости.

– Тебе прекрасно известно, – начал Малкольм, скрещивая руки на широкой груди, – что нельзя выходить в зоопарк без сопровождения стаи. Особенно вам двоим.

– Но... – Саймон поёжился. Он насквозь промок от пота и до сих пор не отдышался. – Вы меня уже больше месяца на улицу не пускаете.

– Больше, меньше – меня это не волнует. Если будет нужно, просидишь в Логове до конца года. Ради твоей же безопасности, – отрезал Малкольм. Несмотря на злость в голосе, он протянул Саймону руку и помог встать.

– Но я же не... не Нолан. Мне выходить не опасно.

Брат фыркнул.

– Про меня никто не знает. А вот про то, что ты наслед-

ник Ориона, знает весь мир, – парировал он. – Небось тебя сейчас вся его стая ищет.

Нолан даже не представлял, насколько прав, и Саймон не собирался с ним говорить – по крайней мере, в присутствии Малкольма.

– Вы не можете просто взять и запереть меня. Это нечестно, тут негде летать, – сказал он, пряча руки в карманы. От него до сих пор пахло скунсом.

– Какая разница, честно или нет? – спросил Малкольм. – Ты хоть понимаешь, что случится, если тебя поймает Орион? Или моя мать?

Саймон скривился. Селеста Торн, бывшая Альфа Звериного Царства и бабушка Саймона, уже доказала, что пойдёт на всё, чтобы победить Ориона и Птичье Царство, – даже на убийство собственного внука.

– Но меня же не поймали, – сказал Саймон. – Всё в порядке.

– Им только и остаётся, что ждать вашего с Ноланом появления, – сказал Малкольм. – Они хотят наложить на вас руки, и если у них получится...

– Я не позволю им тронуть Нолана, – яростно сказал Саймон, и скорбь, которую он подавил, когда возвращался в парк, вновь напозла на него, опустошая изнутри. В ночь смерти дяди Дэррила Саймон пообещал себе, что с братом подобного не случится, и намеревался обещание сдержать.

– Я никуда не сбегал, почему вы всё переводите на меня? –

не выдержал Нолан. И хотя Саймон практически чувствовал гневный жар, исходящий от брата, ему показалось, что он заметил в его голосе лёгкий укол обиды.

– Хватит делать вид, будто ты сам не пользовался тоннелем, – сказал Малкольм. – Даже не сомневаюсь, что если бы вы ушли с тренировки вместе, то и сбежали бы из Логова вместе.

– Нет, не сбежали бы, потому что я бы его не пустил, – выпалил Саймон – и мигом осознал свою ошибку. Тень злобы и обиды исказила лицо брата, и он показал кулаки.

– Не пустил бы, да? – сказал Нолан дрожащим голосом. – Я же не твой драгоценный друг, так зачем вообще проводить со мной время?

– Я не это имел в виду, ты же знаешь, – хмурясь, сказал Саймон. Если Орион или Селеста похитят Нолана, как Орион похитил их маму...

– Хватит, – прорезал воздух голос Малкольма, и Саймон замолчал. – Нолан, помойся и переоденься.

– Но...

– Быстро.

Бормоча что-то себе под нос, Нолан схватил из шкафа чистую чёрную форму и нырнул в ванну, хлопая дверью с такой силой, что лампа на прикроватной тумбочке задребезжала. Саймон дёрнулся.

– Саймон, посмотри на меня.

Злость Малкольма немного утихла. Саймон неохотно

встретился с ним взглядом. В отличие от черноглазого дяди Дэррила, у Малкольма были голубые глаза, но всё равно в них таилось что-то до боли знакомое.

– Дело не только в Нолане, – сказал дядя. – Но и в тебе тоже. Ты такой же член нашей семьи, как и он, и я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Саймону пришлось закусить щёку, чтобы не сболтнуть то, что было у него на уме. Малкольм мог притворяться сколько угодно, но они встретились всего два месяца назад, и он не растил Саймона так, как растил Нолана. Саймон хотел бы стать частью их семьи – он всю жизнь чувствовал себя чужаком, всю жизнь мечтал найти своё место. Но он не был одним из них, и как ни больно это признавать, он понимал, что может никогда и не влиться в семью. По крайней мере, не полностью.

– Нужно не обо мне волноваться, – наконец, сказал Саймон. Во рту у него пересохло. – Они охотятся за Ноланом.

Малкольм перевёл взгляд на вход в тоннель.

– Придётся перекрыть лаз. Больше никто через него не выйдет – и не войдёт. Но, Саймон, пойми, я не пытаюсь тебя запереть.

– А кажется, что наоборот, – пробормотал тот. Малкольм вздохнул.

– Понимаю. Может, сложно в это поверить, но это правда. Как только станет безопасно...

– А вдруг не станет? – спросил Саймон. – Вдруг Ориона не

поймают? Вдруг Селеста снова захватит остальные Царства?

– Этого не будет, – возразил Малкольм, хотя уверенности в его словах не было. – Стая проверяет все зацепки...

– Но вы до сих пор её не нашли.

– Не нашли, – неохотно признал Малкольм. – Но мы делаем всё, что можем. Их ищут звери по всей стране. Вечно прятаться у них не получится.

– Вечно – может быть. Долго – получится.

Малкольм потёр глаза и пробормотал что-то на выдохе.

– Доверься мне, Саймон. Большого не прошу. Я всеми силами стараюсь защитить вас с Ноланом, но мне нужна помощь. Пожалуйста, не совершай глупостей – например, не улетай из Логова, не предупредив.

– То есть, если предупрежу, то можно будет? – спросил он. Малкольм красноречиво на него посмотрел, и плечи Саймона опали.

– Наши с тобой желания совпадают, Саймон. Мы оба хотим защитить Нолана. Но пока ты нарушаешь правила направо и налево, Нолану хочется повторять за тобой. Что бы ты там ни думал, Орион с Селестой будут рады манипулировать вами обоими, так что сделай одолжение, не рискуй. Летай в атриуме, сколько хочешь – он для этого и построен. Но я обещал Дэррилу защитить тебя, так позволь мне сдержать обещание.

Саймон выдохнул. Так вот в чём причина, по которой Малкольм старался сделать вид, что Саймон часть его семьи.

Потому что на крыше Небесной башни Малкольм дал умирающему дяде Дэррилу обещание присмотреть за Саймоном. Учитывая, что на тот момент они знали друг друга три дня, обещать такое – благородный шаг, а уж тем более похвальны попытки сдержать обещание. И теперь они с Саймоном оказались в тупике.

Как бы Саймон ни хотел помочь дяде сдержать обещание, он просто не мог. Пока не мог. Его мама до сих пор не нашлась, и, если Саймон хотел вновь её увидеть, нужно нарушить парочку правил – и, скорее всего, лицом к лицу встретиться с дедушкой.

Видимо, Малкольм принял его молчание за согласие, потому что неловко похлопал по плечу и отпустил его обратно в спальню. Как только Нолан вышел из ванной, Саймон принял душ и переоделся, выслушивая бесконечные нотации Феликса.

– Чем ты думал? – поинтересовался мышонок, пока Саймон чистил зубы. – Тебя могли убить, схватить, сожрать...

– Очень сомневаюсь, что в Нью-Йорке кто-то питается орлами, – пробубнил Саймон с полным ртом пасты.

– Но Орион мог тебя поймать, – ужаснулся Феликс. – И что бы ты делал? Что бы я делал?

Вздыхнув, Саймон включил воду и сплюнул в раковину.

– Нашёл бы, у кого поесть. Кого-нибудь с телевизором.

Феликс сунул лапки под бегущую струю и помыл усы.

– Да, я много сериалов пропустил, – признал мышонок,

а потом встрепенулся: – Нет. Не смей так говорить. Может, ты и не наследник Звериного короля, но ты мне всё равно дорог. И Нолану тоже, и Малкольму...

– Хватит делать вид, будто не слышал, что сказал Нолан. Он меня терпеть не может. А Малкольм такой добрый только потому, что его попросил дядя Дэррил. – Саймон поставил зубную щётку рядом со щёткой брата и расчесал всклоченные волосы.

– Малкольму не обязательно любить тебя, чтобы защищать. – Феликс взобрался мальчику на плечо, и Саймон вышел из ванной в спальню в поисках носков. – Он мог сдерживать обещание, но закатывать истерики, а он этого не делает.

Саймон не очень хорошо знал дядю, но сильно сомневался, что он вообще способен закатить истерику.

– Если ты пытаешься убедить меня, что в итоге мы все станем одной большой счастливой семьёй, то верится с трудом. – Он и не хотел быть большой и счастливой семьёй без дяди Дэррила. И без мамы тоже. – И я не могу просто сидеть и ждать, пока маму не нашли.

Пока Саймон торчал в Логове, Орион таскал его маму по всей стране в отчаянных попытках найти обломки Хищника, пятиконечного оружия, с помощью которого Звериный король воровал способности анимоксов. Но найти их непросто. Когда Царства свергли Звериного короля, они разобрали оружие на пять частей и спрятали по обломку у себя, чтобы больше никто никогда его не собрал. Однако мама Саймона,

всю его жизнь ездившая по стране и изучавшая Хищника, была единственным человеком, знавшим, где спрятаны все обломки. Поэтому-то Орион её и похитил – чтобы отыскать их и собрать Хищника. И как бы сильно Саймон ни мечтал спасти её, он не знал, с чего начать.

Он открыл ящик с чистыми носками, но вдруг зарылся вглубь и нашёл карманные часы, подаренные матерью. Он провернул их в руке; в серебряной крышке не было ничего особенного, но на задней стороне был рисунок – пять животных, образующих единый символ. Герб Звериного короля.

Саймон не знал, что он значит. Но мама просила всегда носить часы с собой, и ему было неловко прятать их в ящике с носками. Правда, один раз он уже потерял часы, когда сражался с Орионом на крыше Небесной башни. Дяде Дэррилу удалось вернуть их Саймону перед самой смертью, но сколько бы Саймон их ни чистил, для него серебряная поверхность навсегда осталась запятнана кровью дяди.

Но он дал маме обещание, поэтому неохотно спрятал часы в карман. Были и другие вещи, которые напоминали о ней – другие подарки, о которых было не так больно думать. На стене над столом висела коллекция из ста двадцати четырёх открыток, которые мама прислала ему из своих путешествий. На них были изображены разные животные Северной Америки, и он уже давно наизусть запомнил слова, аккуратным почерком написанные на оборотах: всевозможные факты о животных и иногда упоминания о том, как сильно она

скачает. А ещё в сентябре он нашёл её старый блокнот, в котором записано всё, что ей известно про Звериного короля. Саймон прочитал его от корки до корки, надеясь найти то, что мог упустить. И хотя он обнаружил несколько адресов и заманчивых подсказок, в единую картину они так и не сложились. Если вообще это возможно.

Несмотря на сумбурное утро, живот Саймона громко заурчал, и он быстро оделся и пошёл в атриум. Вместо того чтобы спуститься на нижний этаж по спиральной лестнице, Саймон превратился в орла и полетел в надежде, что испытает такую же свободу, как и в небе. Не испытал.

Вся столовая оказалась забита учениками, на руках у которых красовались повязки с серебряными животными, показывающими, в кого именно они превращаются. Почти все ученики возраста Саймона или постарше, поскольку анимоксы начинали пять курсов обучения, только когда случилось их первое превращение. Но если в обычной школе старшие ребята не обращали на младшекласников никакого внимания, стоило Саймону войти, и все уставились на него. Упорно не сводя взгляда с буфета, предлагающего всевозможные завтраки, включая утренние суши для подводного царства, Саймон быстро взял еды и запетлял между столиками. Все Царства сидели с себе подобными, и даже семнадцатилетние анимоксы не смешивались, хотя давно были знакомы.

К счастью, не все студенты так себя вели. Поразительно,

но Саймон умудрился найти друзей, несмотря на своё происхождение, так что поставил поднос напротив блондина в очках, на повязке которого красовался серебряный дельфин.

– Доброе утро, Джем, – сказал он, подавив зевок. Джем оторвался от книги и широко улыбнулся.

– Доброе. У тебя в волосах перья, – заметил он.

– Что? – Саймон провёл ладонью по волосам, и в них обнаружилось несколько орлиных перьев. Видимо, упали, пока он превращался. – Ой. Спасибо.

– Чего это ты так рано? – поинтересовался другой голос. Уинтер, хрупкая бледная девочка с длинными тёмными волосами, села рядом с Саймоном, поставив на стол тарелку с фруктами. – Обычно ты приходишь на завтрак за пять минут до конца. И почему от тебя пахнет скунсом?

– Да, эм...

– Он сегодня сбежал полетать в парк. – За стол села ещё одна девочка, но в отличие от Уинтер она выглядела очень яркой, начиная от только что покрашенных фиолетовых волос и заканчивая озорным взглядом. Она даже закрасила чёрную вдову у себя на повязке розовым маркером. – Альфа на него сто лет орал.

– Малкольм не орал, – сказал Саймон хмуро, пытаясь вспомнить, не могла ли Ариана увидеть его, когда он превращался в мышь. – И ты обещала, что больше не будешь за мной шпионить.

– Не было такого, – сказала та, с ухмылкой поедая бекон.

Нет, пожалуй, она видела только, как он превращается в птицу. В тоннеле он бы её заметил, а если бы она знала его секрет, то уже бы о нём упомянула. Или как минимум не стала бы открыто признаваться, что следила за ним. Уж что-что, но он точно знал, что шпион из Арианы отличный.

По столовой разнёсся громкий дружный смех. На противоположном конце сидел Нолан, окружённый самыми крупными и жестокими зверями ПРИЮТа. Саймон перехватил взгляд брата и отвернулся.

Вновь уставившись в тарелку, Саймон ткнул вилкой со-сиску. Видимо, Нолан всё ещё злился.

– Альфа записал меня на сегодняшнюю тренировку в яме, – сказал Джем слегка подрагивающим голосом. – Если он поставит меня против кого-то, кроме насекомых...

– В нашем Царстве не только насекомые, если что, – заметила Ариана. – Пауки – арахниды. Но мы все членистоногие.

– Если он поставит меня против кого-то больше сверчка, мне конец, – поправился Джем. – На песке мне не превратиться. Я бесполезный.

– Абсолютно, – согласилась Уинтер, убирая с лица тёмные волосы, и Саймон кинул на неё недовольный взгляд. – Что? Ты видел дельфинов в пустыне?

Саймон пропустил её слова мимо ушей.

– Ты не бесполезный, – сказал он Джему. – Ты умеешь обороняться.

– Да, против людей, – сказал тот, поправляя очки. – А если

Малкольм поставит против меня зверя или рептилию...

Где-то за спиной Саймона что-то мелькнуло, и на стол приземлилось что-то мягкое и белое. Обернувшись, он успел разглядеть Гаррета, одного из парней, с которыми сидел Нолан. Тот только что вывалил на голову Уинтер ведро гусиных перьев.

– Эй! – заорал Саймон, но делать было нечего. Пушистые белоснежные перья уже налипли на волосы Уинтер и высыпались ей на колени, и она поперхнулась, поражённо раскрывая глаза.

– Решил тебе помочь, брошенка, раз ты так хочешь отрастить пёрышки, – сказал Гаррет. Остальные звери расхохотались, и Саймон стиснул руки в кулаки, заметив насмешливую ухмылку Нолана. Когда Саймон только пришёл в ПРИ-ЮТ, он вынес немало издевательств от Гаррета и его друзей, но до сегодняшнего дня Нолан держал их под контролем. Видимо, теперь он настолько разозлился, что решил спустить поводок.

Но внимание Саймона быстро переключилось на Уинтер, которая была уже не бледной, а пунцовой. Может, Гаррет с Ноланом и думали, что очень смешно пошутили, но Саймон видел в её зелёных глазах боль и обиду. Уинтер была гибридом: её родители принадлежали разным Царствам. Отец был Птицей, а мать – Рептилия. Лично Саймон не видел в гибридах ничего страшного, но Уинтер, которую вырастил Орион и которая всю жизнь больше всего на свете мечтала

превратиться в птицу, отчаянно пыталась скрыть правду ото всех, включая Саймона. Она раскрыла свою истинную форму, только чтобы защитить его, но теперь вся школа знала, что она на самом деле щитомордник – Змея.

И Саймон винил себя за это, но в этот раз он мог ей помочь. Уинтер неподвижно сидела, закрыв лицо волосами и напрягшись, как будто вот-вот могла разрыдаться, и Саймон встал, вцепившись в спинку стула так сильно, что на дереве остались царапины от его ногтей.

– А знаешь, кто ещё гибрид? – поинтересовался он. – Мы с Ноланом. На нас ты тоже перья вывалишь?

Гаррет шагнул ближе, нависая над Саймоном.

– Зачем мне это, тупица? У тебя они и так есть. И если бы у преподавателей были мозги, тебя бы здесь не было. Ты позволил Ориону убить Дэррила Торна. Предатель.

Стоило Гаррету произнести имя дяди, и что-то внутри Саймона лопнуло. Перед глазами потемнело, а на сердце будто сжалась раскалённая добела рука. Без всякого предупреждения, даже не осознав, что он творит, Саймон издал яростный крик и набросился на Гаррета.

Тот упал, врезавшись локтями в деревянный пол. Саймон кинулся на него, пытаясь прижать руки и ноги, но не успел: Гаррет начал превращаться. Тело быстро покрылось мехом, руки и ноги превратились в лапы, лицо исказилось, оборачиваясь мордой пумы с бритвенно-острыми клыками.

Не прошло и мгновения, как массивная кошка выверну-

лась и с такой силой толкнула Саймона лапой в грудь, что у него едва не треснули рёбра.

– Думаешь, можешь меня победить? Крылья тебе не помогут, если не сможешь взлететь.

Саймон захрипел, пытаясь вздохнуть. Перед глазами алело. Ему не обязательно было взлетать. Захоти он, мог бы превратиться в медведя и показать Гаррету, что такое настоящий бой. Мог обернуться ядовитой змеей и превратить его день в пытку. А мог уменьшить тело до размера блохи и напасть, когда Гаррет не ожидает.

Соблазн проверить всё это был невероятным, и Саймон уже сформировал в голове изображение тигра, когда неожиданно в пуму врезался массивный серый волк, поваливший Гаррета на пол. Саймон присел, отчасти ожидая, что волк сейчас прижмёт Гаррета к полу, но вместо этого они оба превратились в людей.

– Я ведь предупреждал, что будет, если тронешь моих племянников? – порычал Малкольм, нависая над побелевшим Гарретом.

– Саймон напал на него, – бросил Нолан, стоящий у края собравшейся толпы. – Гаррет просто защищался.

Саймон глянул за стол, где сидели друзья, и открыл было рот, чтобы сказать, что это Гаррет напал на Уинтер. Но если Ариана с Джемом вскочили, готовые прийти на помощь, на месте Уинтер белела лишь куча перьев.

– Меня не волнует, кто был первым. Мы не нападаем

друг на друга в обличьях анимоксов, и точка, – сказал Малкольм. – Больше никаких тренировок в яме, Гаррет. А если ещё на кого-нибудь нападёшь – будешь отчислен.

Саймон не слышал ответа Гаррета, если тот вообще смог что-нибудь выдать. Потому что, поднимаясь на ноги, он обратил внимание на собственные руки, и кровь застыла в жилах.

Вместо ногтей у него появились когти.

3

Гибрид

Остаток завтрака Саймон прислушивался к друзьям вполуха, не сводя глаз с рук. Пальцы вновь стали нормальными, но он чувствовал, что прошёл по грани, и не хотел даже думать, что было бы, если бы Малкольм не остановил драку.

На утреннюю тренировку в яме он поплёлся в самом конце, позади друзей, прислушиваясь к громкому голосу Гаррета, жалующегося на запрет драться. К сожалению, самому Саймону такого наказания не досталась – вообще ничего не досталось, а значит, в ближайшем будущем Гаррет обязательно должен был устроить ему весёлую жизнь. Правда, хуже стать уже не могло. Разве что он снова начнёт доставать друзей Саймона.

В яме воняло уксусом, но это было лучше, чем скунсом. Саймон, Джем и Ариана устроились на верхней трибуне, как можно дальше от тренировочной ямы. Ариана была явно недовольна, а вот сидящего рядом Джема, кажется, подташнивало. Сначала Саймон подумал, что дело в запахе, а потом вспомнил, о чём он говорил за завтраком.

– Ну, зато тебе не придётся драться с Гарретом, – сказал Саймон, присаживаясь рядом.

– Ну да, хоть что-то, – отозвался Джем, хотя особой радо-

сти не испытывал. — Я-то думал, что меня точно против него поставят.

— Не сегодня. Вы, кстати, не видели Уинтер?

Они покачали головой, и Саймон осмотрел раскинувшееся вокруг море учеников, но ничего не заметил. Но не успел он ускользнуть, чтобы её поискать, как на песок вышел Малкольм, за которым шли два волка из стаи.

— Софи Фицджеральд, Джефффри Ли, — объявил он, и названные ученики поднялись со своих мест. — Выходите.

Они с волками ушли с песка, освобождая место для драки. Малкольм дунул в свисток, и ученики тут же превратились в животных — осу и гремучих змей — и кинулись друг на друга. Остальные ученики закричали, поддерживая их, но Саймона бой интересовал мало — по крайней мере, пока он не знал, где Уинтер. Несмотря на панику Джема, большинство учеников любили ходить на тренировки, потому что на них разрешалось превращаться. Помимо этого, превращаться можно было на занятиях и у себя в корпусах, но Саймон знал, что мало кто соблюдает правила; он сам был свидетелем, как Ариана постоянно превращается в Чёрную Вдову, а ученики из Царства Зверей превращались в животных, стоило только волкам из стаи отвернуться. Саймон их понимал. Была бы возможность, и он бы каждый день бегал по коридорам в разных обличьях, просто чтобы узнать, каково это. Увы, ему приходилось ограничиваться орлиным и человеческим обликами, и оба приносили ему одинаковое количество

неприятностей.

Оса победила в поединке: змея попыталась поймать её пастью, но получила жало в язык и сдалась. Ученики вновь закричали, и каждый последующий бой интересовал Саймона всё меньше и меньше. А вот Джем всё сильнее напрягался, но с этим Саймон ничего не мог поделать, разве что тихо подбодрить друга. Два месяца назад, когда они тайно сбежали в Небесную башню, Саймон своими глазами видел, как Джем успешно сражается со взрослым волком. С простым учеником он должен справиться влѣгкую.

Пока Саймон абсолютно серьёзно раздумывал, приставят ли к нему сопровождающего, если он отпросится в туалет, Малкольм назвал следующих соперников:

– Бенджамин Флюк и...

Саймон затаил дыхание.

– Нолан Торн.

Широко распахнув глаза, он посмотрел на Джема.

– Ну, хоть не Гаррет, – выдавил он из себя, но утешение было слабым. Да, Нолан – наследник Звериного короля, но практически весь ПРИЮТ считает, что он умеет превращаться только в огромного серого волка, как и его дядя. А учитывая, в каком Нолан настроении, Саймон не удивится, если он решит драться до крови.

Дрожа, Джем спустился к песку, где его ждал Нолан, источавший решительность. Саймон нервно наклонился вперёд, чтобы лучше видеть, и временно отбросил все мысли о Уин-

тер. Ничего хорошего от ситуации ждать не приходилось.

– Всё с ним будет нормально, – сказала Ариана, но даже в её голосе не было уверенности.

Малкольм дунул в свисток, и схватка началась. Нолан мгновенно обернулся волком. Джем попятился, едва не запутавшись в собственных ногах. Даже издалека Саймон видел на его лице панику.

– За шкурку хватай! – заорала Ариана, но Саймон молча смотрел, как нападает Нолан. Звери были готовы прилюдно унижить Уинтер посреди столовой – и он даже не представлял, что сейчас было на уме у Нолана.

Рыкнув, Нолан напрыгнул на Джема вихрем зубов и шерсти, толкая его лапами в грудь и опрокидывая на песок. Очки Джема отлетели, и Нолан обнажил зубы буквально в сантиметре от его горла. Он не укусил, но Джем поморщился от боли, и Саймон заметил, как волчьи когти глубоко врезались в чёрную форму.

– Нолан его ранил! – крикнул он, но его голос заглушили крики толпы. Почему Джем не сдавался?

Волк оттолкнулся от груди Джема, разрывая рубашку когтями, и схватил его зубами за ботинок. Не успел Саймон вновь закричать, Нолан потащил Джема по песку к краю ямы, демонстрируя трофей. И во время этого демонстративного марша нарочно наступил на очки парня.

Кровь Саймона вскипела, и он начал превращаться, не успев даже задуматься. На одно ужасающее мгновение, когда

перед глазами всё потемнело, а конечности стали меняться, он понял, что не знает, кем именно обернётся. Но когда раскрыл рот и из горла вырвался орлиный клич, он расправил крылья и слетел в яму, поглощённый злостью. Нолан мог издеваться над Саймоном сколько угодно, но Джем не заслуживал подобного унижения.

– Отпусти, – потребовал он, приземляясь Нолану на спину и клювом хватая его за ухо. Видимо, он сжал сильнее, чем намеревался, потому что волк взвизгнул и мигом выпустил сапог Джема.

– Ты что творишь?! – взревел он, пытаясь его стряхнуть. Когда Нолан отпустил Джема, Саймон разжал клюв и захлопал крыльями, взлетая на несколько метров.

– Ты его ранил. Бой окончен.

– Но он не сдался! – Нолан вскинулся и щёлкнул зубами, не дотянувшись до Саймона всего несколько сантиметров. Тот взмыл ещё выше. – Так нельзя!

– Так, хватит! – Переваливаясь по песку, к ним подошёл Малкольм, и с высоты своего полёта Саймон видел вздувшиеся вены на его шее. – Саймон, тебе прекрасно известно, что нельзя вмешиваться в чужие схватки.

– Но Нолан...

– Да, я видел, Саймон. Превращайтесь, оба, и ко мне в кабинет.

Саймон с лёгкостью приземлился рядом с Джемом и, несмотря на всё ещё kloкочущую в нём ярость, усилием во-

ли принял человеческий вид.

– Ты как, в порядке? – спросил Саймон, опускаясь рядом с другом на колени.

Джем кивнул, хотя царапины, видневшиеся через порванную рубашку, говорили о другом.

– Не видишь мои очки?

Саймон пошарил по песку, нашёл их – но, как он и опасался, они были искорёжены и разбиты.

– Нолан на них наступил, – сказал он виновато, протягивая их Джему.

– Генерал не обрадуется, – заметил тот. Левая линза треснула прямо посередине, а одну из дужек Нолан умудрился сломать пополам. Спасти их было явно невозможно.

– Так расскажи правду. Что бой был нечестным, – сказал Саймон. – Он же твой отец, он поймёт.

– Саймон. Ко мне. Живо, – окликнул Малкольм с лестницы. Мысленно застонав, Саймон встал и протянул Джему руку. Тот, пошатнувшись, поднялся.

– На уроках увидимся, – сказал Саймон им с Арианой, которая как раз спустилась с трибун. – И сходи сначала в медпункт.

– Я прослежу, чтобы он не развалился по пути, – сказала Ариана и, несмотря на то, что она была ниже Джема почти на голову, обхватила его рукой за пояс и повела к двери.

Саймон добрался до кабинета Малкольма и встал как можно дальше от Нолана. Когда Малкольм с тихим щелчком

закрыл дверь, волоски на шее Саймона встали дыбом.

– Не знаю, что между вами случилось, но прекращайте уже, – сказал им дядя.

– А зачем на меня-то орать? – спросил Нолан, хотя Малкольм не повышал голоса. – Это Саймон у нас...

– Я всё видел. Не нужно пересказывать, – сказал Малкольм, присаживаясь на край стола. – Я готов утверждать вам до бесконечности: вы братья. И вы будете идти по жизни вместе, поэтому можете либо научиться ладить, либо страдать.

– Не понимаю, как мы должны поладить, если он постоянно что-то такое вытворяет, – сказал Нолан, скрещая руки на груди.

– А я не понимаю, как нам ладить, если ты постоянно издеваешься над моими друзьями, – жарко заявил Саймон. Малкольм вздохнул.

– До конца тренировки осталось полчаса, а потом вам нужно идти на уроки, – сказал он. – Я пойду вниз, наблюдать. А вы оставайтесь и поговорите. Будете сидеть здесь, пока не начнёте вести себя как братья. Всё ясно?

Ни Саймон, ни Нолан не кивнули, но Малкольм всё равно вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Несколько минут Нолан отказывался смотреть в сторону Саймона, уж тем более с ним говорить. И Саймон прекрасно понимал, что брат не примет ничего, кроме расшаркиваний и извинений, да и тогда, наверное, начнёт спорить, чтобы доказать свою точку зрения. И Саймон считал, что нет смысла даже ста-

раться, – за одно утро они умудрились свести на нет всё, чего достигли за два месяца.

– Впервые за шесть недель дядя Малкольм пустил меня подраться, а ты взял и унизил меня, – наконец выплюнул Но-лан.

– Потому что ты ранил Джема, – ответил Саймон. – Не обязательно было так его таскать. Он тебе ничего не сделал.

Нолан фыркнул.

– Он слабак.

– Под водой – нет. – Саймон покачал головой. – Мы с ним друзья. Если бы ты дрался против кого-то другого, не стал бы...

– Думаешь, меня волнует, что он твой друг? – спросил Нолан.

– Да. А ещё я думаю, что ты спустил на Уинтер Гаррета, потому что она моя подруга.

Ноздри брата раздулись точно так же, как у Саймона, когда он злился и пытался придумать, что сказать. А по прошествии несколько секунд его наконец прорвало.

– Вся школа знает, что ты любишь своих друзей больше, чем нас с дядей Малкольмом. Ты постоянно ходишь с ними и даже не говоришь со мной, если тебя не заставить. Мне иногда кажется... что если бы ты выбирал между нами, то выбрал бы их.

Саймон уставился на него, потеряв дар речи. Он бы очень не хотел, чтобы перед ним встал такой выбор, но... честно

сказать, Нолан был прав. Он бы действительно выбрал Уинтер, Джема и Ариану.

– Потому что я – не ты, – сказал Саймон, сглатывая ком, вставший в горле. – Ты всю жизнь знал Малкольма. Вы с ним одна семья. А я, я...

– Что? Ты нам не семья? – Нолан сощурился, наконец подняв на него взгляд. – А мог бы, знаешь ли, если бы попытался. Но зачем тебе? Ты даже сидеть со мной не хочешь...

– Потому что твои друзья меня ненавидят, – перебил Саймон. – Ты что, не слышал, как меня называл Гаррет?

– Так ты и есть предатель, – рявкнул Нолан. – Ты предал меня. Дядю Малкольма. Маму. Это из-за тебя её похитили.

Саймон скорее предпочёл бы получить удар под дых, чем слушать ядовитые гадости, которые выплёвывал Нолан, вызывая в нём знакомую бурлящую ярость. Сдержав позыв превратиться, он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Не получилось.

– Я тебя не предавал. Это у тебя осталась семья. А моя семья умерла на крыше Небесной башни, и вы с Малкольмом его не замените. И, да, я провожу с друзьями больше времени, чем с тобой, потому что я им нравлюсь и им приятно со мной общаться. А ты просто хочешь, чтобы тебе говорили, какой ты хороший. А это не так, – сказал Саймон, вставая и впиваясь в брата взглядом. – Хорошие люди никого не травят. Хорошие люди принимают других такими, какие они есть, не зовут других предателями и брошенками и не ведут

себя так, будто мир вращается только вокруг них. Мой мир вокруг тебя никогда не вращался и не будет, понял?

— Да уж, понял, — злобно ответил Нолан. — Приятно знать, что ты обо мне думаешь. Небось считаешь, что мама ошиблась, да? Когда выбрала меня, а не тебя.

Саймон не стал отвечать. Он попросту вышел из кабинета и захлопнул дверь, и плевать ему было, если Малкольм на него разозлится. Он и так злился, а если Саймон с Ноланом не помирятся, то ничего не изменится.

Пока ученики заканчивали тренировку в яме, Саймон решил побродить по Логову, заглядывая в пустые классы и пыльную библиотеку в поисках Уинтер. Он даже ещё раз сходил в столовую, чтобы проверить, не пошла ли она завтракать, пока никого не было, но там было пусто. Тогда Саймон, на взводе, пошёл в корпус Рептилий. Он сомневался, что Уинтер там спрячется, учитывая, как ненавистна была ей собственная змеиная природа, но остальные ученики ушли на тренировки, так что шанс был. Все корпуса построены с учётом особенностей пяти Царств, и Рептилии жили в знойной песчаной пустыне. Саймон бывал там всего пару раз, но машинально посмотрел вниз, чтобы не наступить кому-нибудь на хвост.

В общежитии Рептилий был оазис — видимо, для тех, кто не переносил жару. Взрослый крокодил бросил на Саймона любопытный взгляд, когда он обошёл небольшое болотце. Но Уинтер в комнате не оказалось, и в общей гостиной тоже

её не было.

К тому времени, как он выбрался из корпуса Рептилий, тренировка уже почти закончилась, и оставалось только вытряхнуть песок из одежды и направиться на первый урок: историю мира анимоксов. Она была куда интереснее всяких войн и революций, о которых говорили в обычной школе, а ещё её обожала Уинтер.

Но когда он дошёл до класса, место Уинтер пустовало. Он сел между Джемом и Арианой, пытаясь не обращать внимания на Нолана, сидящего через три ряда от него.

– Сходил в медпункт? – спросил он Джема, который успел переодеться и сменить очки.

– Ага, меня подлатали, – отозвался тот. – Но медсестра сказала, что несколько дней придётся посидеть на суше. Генерал не обрадуется.

Зато сам Джем явно был рад возможности почитать, а не заниматься нескончаемой подводной строевой подготовкой. Саймон коротко ему улыбнулся, и он улыбнулся в ответ.

Урок начался, и их учитель, мистер Барнс, высокий мужчина со всклокоченной козлиной бородкой и впалыми щеками, кашлянул. Саймон выпрямился, готовясь записывать лекцию, чтобы потом передать её Уинтер. Так у него хотя бы будет предлог её поискать.

– В ходе истории роль анимоксов в мире меняется, – начал мистер Барнс, медленно расхаживая перед учениками, заложив руки за спину. – Мы подстраиваемся под современ-

ные технологии, количество естественных для нас мест обитания уменьшается. Мы давно научились с лёгкостью переключаться между человеческой жизнью и жизнью животного, и вопреки множеству пережитых войн наш вид продолжает процветать. Несмотря на то, что за последние века законы, которым мы подчиняемся, много раз менялись, есть три основополагающих устоя, которые разделяют все пять Царств. Так, кто знает три правила мира анимоксов?

Джем вскинул руку, но мистер Барнс поглядел не на него, а на Ариану. Та, провернув ручку в пальцах, облокотилась на спинку и закинула ноги в военных ботинках на край стула, стоящего спереди.

– Первое: уважать природу и естественный порядок вещей. Второе: не охотиться на других анимоксов. И третье, самое важное: никогда и ни за что не говорить людям о существовании анимоксов.

– Отлично, мисс Вебстер, – сказал мистер Барнс. – Можете рассказать классу, почему для нас так важна скрытность?

– Эксперименты, – произнёс Нолан, не успела Ариана даже рта раскрыть. – В Средневековье, если анимоксы попадались людям, их пытали до смерти или сжигали на кострах, как ведьм.

– Жить стало бы легче, если б можно было наколдовать твоё исчезновение, – пробормотала Ариана, продолжая вертеть в руках ручку. Если Нолан её и услышал, вида он не подал.

– Именно поэтому скрытность ценится в нашем мире выше всего, – сказал мистер Барнс. – Те, кто посмел превратиться перед кем-то или раскрыть тайну друзьям и любимым, всегда дорого за это платили. Не сомневаюсь, большинству из вас родители говорили об этом с самого детства, задолго до того, как вы научились превращаться, и этого правила мы придерживаемся по сей день.

– А что делать с первым превращением? – поинтересовался Саймон. К нему тут же обернулся практически весь класс, но он не отвёл взгляда от мистера Барнса, только сжал руки в кулаки, представляя, что было бы, если бы в кожу впивались когти, а не ногти. – Его же невозможно контролировать, да?

– Да, однако нечасто встретишь анимоксов, которые растут среди людей, – таких, например, как вы, мистер Торн. Большинство из нас предпочитает держать детей среди собственного народа, – заметил мистер Барнс. – У всех Царств есть собственные среды обитаний и общины, разбросанные по всей стране, подходящие под особенности каждого отдельного взятого вида.

– А если родители не знают, в каком Царстве окажутся дети? – спросил Саймон. Ученики вокруг неуютно поёжились, переглядываясь.

– Вы про... гибридов, да, конечно, – сказал мистер Барнс, кашлянув. – Если дети растут в среде, не подходящей для их облика, которую, конечно, невозможно определить до первого превращения, то это может привести к... запутан-

ным последствиям. Именно поэтому браки между разными Царствами не поощряются, – добавил он. – На данный момент некоторые общины изгоняют гибридов из своих рядов, так как их присутствие зачастую приводит к социальному неприятию и прочим видам негативного поведения.

– Но ведь гибриды не виноваты, – сказал Саймон. – Их нельзя за это наказывать.

– Согласен, – сказал мистер Барнс, глядя на Саймона сверху вниз с явной жалостью во взгляде. – Но, боюсь, мало какое решение удовлетворит сразу всех. Пока что, к нашему стыду, гибриды зачастую оказываются изгоями общества, даже когда проходит их превращение, – особенно те, кого растили не в том Царстве.

Воцарилась тишина, и когда Саймон понял, что мистер Барнс ждёт от него реакции, то коротко кивнул. Тут же мистер Барнс сменил тему, а Саймон уткнулся в тетрадь, всем телом ощущая на себе пристальные взгляды.

Он оставил их без внимания. Теперь он хотя бы понимал, почему Уинтер так стыдилась признать, что была змеёй, выращенной Птицами, и всё оставшееся утро пытался придумать, как ей помочь. Он был готов заступаться за неё, пока Нолан со своими зверями не отстанут, и был готов оставаться рядом, пока она сама позволит. Больше всего на свете Саймону хотелось поговорить с ней – дать понять, что она не одна. Но его всю жизнь травили ребята, которые больше и сильнее его, и Саймон прекрасно знал, как бессмысленно

говорить, что всё наладится. Потому что, конечно, наладится – но уже после школы, а в данный момент времени всё плохо, ему просто хотелось покоя. И Уинтер, наверное, хотелось сейчас того же.

– Как думаете, куда она ушла? – спросил Саймон, пока они с Джемом и Арианой шли на урок зоологии. – Я всё обыскал.

– Иногда она сбегает наружу, – сказала Ариана, которая, несмотря на протесты Джема, несла его рюкзак. – В корпусе Рептилий тоже есть тоннель.

Джем заморгал, широко распахивая глаза. Его новые очки были толще старых, и из-за этого он походил на сову больше обычного.

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– Кто-то ведь должен за ней приглядывать, – сказала Ариана. – Она ведь не к Небесной башне ходит, в самом деле. Она просто гуляет по зоопарку.

– Я схожу за ней в обед, – сказал Саймон. Выходить из Логова рискованно, ведь утром Малкольм его уже поймал, но от мысли, что Уинтер сейчас одна, становилось просто невыносимо. Он готов получить пару отработок, лишь бы убедиться, что с ней всё хорошо.

Как только зоология закончилась и начался обед, он, быстро попрощавшись с Джемом и Арианой, направился в корпус Альфы. Сбросив рюкзак, он нырнул в комнату Нола-на и застыл при виде тяжёлого шкафа, перекрывшего вход

в тоннель.

– Прохода нет, – сообщил Феликс, вскарабкавшись по ногам Саймона в его ладони. – Я уже проверил. И вообще, тебе мало неприятностей на сегодня?

Он даже не представлял, насколько прав, но Саймон быстро рассказал мышонку всё, что случилось за завтраком.

– Думаю, Уинтер на улице, – наконец сказал он. – Придётся пройти через другой тоннель, но стая скоро вернётся. Сможешь покараулить?

Феликс дёрнул усами.

– Если Альфа узнает, он зажарит меня с чесноком и съест на ужин.

– Ничего он не узнает, а если что – я тебя защищу. Ну пожалуйста, Феликс, – больше ни о чём не попрошу до конца года.

– Ты ведь понимаешь, что этого не будет. – Он тяжело вздохнул. – Ладно. Но если тебя поймут, я сбегу, понял?

– Спасибо, Феликс, – сказал Саймон и спрятал мышонка в карман чёрной формы, игнорируя его бормотание.

На противоположном краю атриума, за зелёной травой и высокими деревьями, скрывалась дверь в кабинет Альфы. Саймон бывал внутри всего несколько раз, но воспоминания остались лишь неприятные. Изначально кабинет принадлежал Селесте Торн, но потом Малкольм изгнал её и отобрал титул Альфы. Теперь офис принадлежал ему, но Саймон видел дядю только в кабинете над ямой.

Вытащив Феликса из кармана, он поставил его на пол.

– Пискни, если кто-нибудь придёт, – сказал он и открыл дверь. Петли скрипнули; Саймон дёрнулся, но обратного пути нет.

Кабинет был самым обычным, с большим столом из красного дерева и холодным, пустым камином. На стенах висели портреты, и хотя в темноте детали различить не получалось, Саймон прекрасно знал, кто на них изображён. На одном была сама Селеста, на двух других – сыновья, которых она потеряла: Дэррил и Люк, отец Саймона, которого она усыновила и вырастила, как своего собственного. Отчасти Саймону хотелось включить свет и посмотреть на отца. Он не видел портрет уже два месяца и боялся, что забыл, как он выглядит. Но времени до конца обеда оставалось немного, и сейчас нужно было сосредоточиться на Уинтер.

Он потянул за край портрета Селесты. Рамка щёлкнула и отошла от стены, открывая проход в ещё один тоннель. Саймон забрался внутрь; этим лазом он ещё не пользовался, в отличие от Уинтер, но она говорила, что он ведёт куда-то в зоопарк. Саймон просто надеялся, что так оно и было.

Несмотря на то, что Малкольм – и Ариана – сегодня утром едва не застали его, он прикрыл глаза и вновь велел телу превратиться в мышь. В темноте тоннеля не было видно, но он чувствовал, как пространство вокруг увеличивается, пока сам он не стал размером с Феликса. Заморгав, он дёрнул хвостом, убедился, что твёрдо стоит на ногах, а потом бро-

сился бежать в сторону улицы.

Спустя несколько минут он добрался до выхода, закрытого листвой и явно давно не используемого. Ничего удивительного тут не было – доступ к портрету имели лишь те, кто жил в корпусе Альфы, но стае тоннели были не нужны: они и так могли свободно выходить в зоопарк. Приняв обличье человека, Саймон раздвинул листву, выполз на холодную землю и сощурился от неожиданно ударившего в глаза солнца.

Уинтер не соврала. Тоннель вывел его на самый край зоопарка, к черепашьему пруду. Облегчённо вздохнув, Саймон поднялся и отряхнул грязь с колен. Маленькая девочка лет четырёх, стоящая неподалёку, уставилась на него огромными глазами. Саймон прижал палец к губам и прошмыгнул мимо неё.

Людей в зоопарке было немного – типичная картина для середины ноябрьских будней, – Саймон обыскал все тропинки и постройки, но так и не нашёл Уинтер. Поникнув, он остановился у киоска, торгующего игрушками. Может, она всё-таки не пошла на улицу? Но тогда куда? Неужели, сбежала? Он оглянулся на силуэты домов, среди которых виднелась Небесная башня, стоящая в паре кварталов от парка. Если взлететь, то он успел бы добраться до неё и вернуться до конца обеда.

Саймон уже собирался поискать какой-нибудь угол, чтобы превратиться, но тут краем глаза заметил знакомую статую. На первый взгляд в каменном волке не было ничего особен-

ного, и большинство посетителей проходили мимо, даже не удостоив его своим вниманием. Но Саймон знал, что волк стоит на могиле его дяди. Саймон подошёл к могиле дяди. Он не мог уйти, не навестив его, раз уж был рядом.

– Привет, – шепнул он, потирая морду волка и скользя пальцами по шраму, бегущему по его правой щеке. – Прости, что давно не заходил. Малкольм держит своё обещание, и мне всё сложнее сбегать...

Он замолчал. У основания статуи, наполовину скрытая камнями, лежала какая-то пёстрая бумажка, которую легко было принять за мусор. Присев, Саймон отодвинул камень, и из потаённого углубления высунулась картонка.

Нет, не так.

Открытка.

Сердце забилося в горле; Саймон поднял с земли живописную фотографию пустыни Аризоны и перевернул. На обратной стороне знакомым маминым почерком были выписаны пять простых слов:

Вот бы ты был здесь.

Райские птицы

Держа открытку в дрожащих руках, Саймон перечитал её снова, а затем ещё раз и ещё, пытаясь убедиться, что это не шутка. Его мама была у Ориона. Она не могла вернуться в Нью-Йорк, чтобы оставить послание.

На его плечо опустилась воробыха и громко чирикнула.

– Саймон Торн нашёл тайник! – провозгласила она, гордо распушив пёрышки.

– С открыткой? – спросил он, показывая ей послание. – Это ты её оставила?

– Это от птицы из пустыни, – сказала она, легонько поклёвывая его ухо. – Еда?

Надежда волной разлилась по телу; пошарив по карманам, он отдал воробыхе сухарик, который собирался дать Феликсу, и она улетела, а Саймон, пошатываясь, пошёл к центру зоопарка. В голове носились тысячи мыслей.

Значит, мама была в Аризоне. Именно туда Орион отвёз её в поисках обломков Хищника. Он вновь поглядел на открытку, скользя пальцами по аккуратно выведенным словам. На фотографии присутствовала змея – видимо, они искали осколок, принадлежащий Рептилиям. Вряд ли нашлись бы другие Царства, решившие спрятать оружие в пустыне.

Саймон сглотнул. Нужно было как-то добраться до Аризоны. Может, накопленных за прошлые годы карманных денег хватит на билет на самолёт? А может, получится одолжить денег – он предпочитал не называть это словом «ссудить» – у Малкольма. Как бы то ни было, маме нужна помощь, и он не собирался больше её подводить. Он понятия не имел, как давно она отправила открытку, – возможно, они уже нашли обломок и отправились за следующим. Но других зацепок у Саймона не было, и ему нужно действовать. Как можно скорее.

Он бы так и не понял, что пробежал мимо Уинтер, если бы не влетел в стаю голубей у её ног. Она, не шевелясь, сидела на скамейке напротив вольера с тюленями, а на коленях у неё стояло ведро застарелого попкорна. Голуби клевали зёрна, валяющиеся на земле, и она просто смотрела на них, не поднимая взгляда на Саймона.

– Да неужели. Ты уже дважды мимо проходил, – колючим голосом сказала она.

– Я просто... отвлёкся. – Саймон убрал открытку в карман и присел рядом, даже не спросив разрешения. Уинтер не отстранилась. – Я думал, ты терпеть голубей не можешь.

– Другие птицы ко мне теперь не подходят, – пробормотала она. – Что ты здесь делаешь?

Саймон замялся.

– Хотел извиниться за Гаррета и Нолана.

– Да ладно. Удивительно, что они не трогали меня рань-

ше. — Она метнула на землю очередную пригоршню попкорна, и на него слетелось ещё несколько голубей. В светло-зелёных глазах встали слёзы. — Не хочу больше здесь жить.

Саймон поддел камушек носком ботинка.

— Иногда и я тоже.

Она фыркнула.

— Ни Дэррил, ни мама не хотели тебя бросать. Они не забыли о тебе, потому что ты превращаешься в змею, а не в птицу. И они тебя хотя бы любят. И у тебя есть семья.

— Любили, — поправил он, и вся радость от полученной открытки быстро испарилась. — Дядя Дэррил меня любил. Но он умер. — Он не стал добавлять, что, если бы не Уинтер, дядя мог бы остаться в живых. Эта холодная, жестокая истина встала между ними стеной в день его смерти, и хотя они оба старались не заикливаться на прошлом, никто ничего не забыл. Саймону казалось, что время тут не поможет, — а ещё он точно знал, что Уинтер никогда не забудет, что именно он выдал Ориону секрет её превращения.

К его ногам подошёл голубь, и так разъевшийся до размеров крупной птицы.

— Еда?

Саймон кинул ему зёрнышко.

— Я просто пытаюсь помочь, — сказал он Уинтер.

— Как? Хочешь наладить мою жизнь без моего участия?

— Как?.. Не знаю. Просто буду рядом.

— Сам посмотри, к чему это привело, — выплюнула она. —

Просто отстань, Саймон. Не понимаю, чего ты так стараешься.

– Потому что кто-то должен. Неприятности случаются ежедневно, и иногда кажется, что... что всё, это конец. Но в итоге становится лучше.

Уинтер бросила на него испепеляющий взгляд.

– Ты сам-то в это веришь?

Пальцы скользнули по гладкой поверхности открытки, спрятанной в кармане.

– Да, – твёрдо сказал он, хотя всего десять минут назад никакой уверенности не было. – Если сдадимся, лучше точно не станет. Может... может, я ещё не скоро увижу маму. Может, не смогу остановить Ориона, и он соберёт Хищника. Но что бы ни случилось, у тебя есть я, а у меня – ты. Так ведь?

Несколько долгих секунд Уинтер молчала, а затем потёрла щеку и неохотно кивнула. Так и не подняв взгляд, она проворчала:

– Спасибо, что заступился. Тебе же не влетело, да?

– Малкольм и так на меня злился, – сказал Саймон. – А Гаррет – придурок. Мы ещё придумаем, как бы ему ответить.

– Тогда он начнёт доставать нас только сильнее.

– А мы будем готовы.

Голуби заворковали, выпрашивая еду, и Уинтер снова бросила им горсть попкорна. Наконец, Саймон достал из

кармана открытку и, не выпуская её из рук, показал Уинтер.

– Нашёл на могиле дяди. Мама прислала, – сказал он. – Раньше она постоянно слала открытки, когда оставляла меня с дядей Дэррилом.

– Видела их у тебя на стене. – Нахмурившись, она прочитала надпись: – «Вот бы ты был здесь»? В смысле?

– Открытка из Аризоны, – сказал он, переворачивая карточку и показывая фотографию. – Из какой-то Райской долины.

– И что нам с ней делать? – спросила она. Саймон красноречиво на неё посмотрел, и она распахнула глаза. – Саймон, нет. Нельзя.

– Почему?

– А ты как думаешь? Ты же знаешь, что случилось в прошлый раз, когда ты связался с Орионом. Неужели так хочешь, чтобы всё повторилось?

– Ей нужна моя помощь, – сказал Саймон, несмотря на чувство вины, пожирающее изнутри. Когда он связался с Орионом в прошлый раз, погиб дядя Дэррил. – Не могу просто взять и забыть. Она же моя мама.

– Откуда ты знаешь, что это она? – поинтересовалась Уинтер.

– По почерку. Она всю жизнь мне писала. Я его где угодно узнаю.

– По-твоему, никто не способен его подделать?

Саймон недовольно скривился, глядя на послание. Оно

могло оказаться ловушкой. Причём с большой вероятностью. Орион безумно хотел добраться до него и явно понимал, что Саймон без раздумий кинется спасти мать. И всё же он собирался рискнуть. Даже если Орион ждал его, он не был готов ко встрече с наследником Звериного короля. Если никто не выяснит тайну Саймона, у него будет преимущество.

– Прошу тебя, Уинтер. Мне нужна помощь. Я думаю, они ищут обломок из Царства Рептилий.

На мгновение раздражение на её лице сменилось искренним ужасом.

– Нет. Ни за что. Плевать мне, сколько обломков они прячут...

– Ты поклялась, что поможешь, – сказал Саймон. Уинтер вновь ухватила за попкорн, но он отобрал ведёрко, зёрна из которого посыпались прямо ей на колени. – После смерти дяди Дэррила ты сказала, что сделаешь что угодно, лишь бы помочь мне найти маму.

– Что угодно, кроме этого, – сказала она, выбрасывая попкорн, который успела ухватить.

– Почему? – спросил Саймон. – Я думал, ты будешь только рада сбежать из города. Ты же его ненавидишь.

– Там будет ещё хуже, – пробормотала она.

Значит, как и раньше, дело было в её нечеловеческом обличье.

– Да, я понял, ты расстроена, что не стала птицей...

– Даже не представляешь, насколько.

– Не представляю, но пытаюсь. – Слова, застрявшие в горле, прозвучали резче, чем обычно. – Ты же понимаешь, что в итоге придётся это принять, да? Ты змея. Да, ты бы хотела крылья, но это не значит, что ты никому не нужна и что ты ничего не можешь сделать. Ты ядовитая, значит, можешь заставить людей оставить тебя в покое, если захочешь...

– Как сейчас, например? – спросила она. Саймон сделал вид, что не услышал.

– Ты умная и креативная, никогда не подстраиваешься под других, любишь читать, как и остальные Рептилии...

– Но мне нет среди них места. И не будет, – рявкнула она. – Я не поеду ни в какую Райскую долину, Саймон, и ты меня не заставишь.

– Я и не пытаюсь... – Он зарылся пальцами в волосы, раздражённо выдыхая. За последние пару месяцев он ругался с Уинтер не раз и не два, так что знал, когда спорить было бессмысленно. – Ладно. Раз ты не хочешь помогать, найду того, кто захочет.

– Вперёд, – резко откликнулась она, стряхивая с колен попкорн. – А на меня не рассчитывай.

Поднявшись, он убрал открытку в карман.

– Если не вернёшься к вечерней тренировке, Малкольм пойдёт тебя искать.

– Плевать.

– Ладно, пусть тебя отчисляют. Мне без разницы.

Он пошёл было к тоннелю, но сделал всего пару шагов и остановился. Потому что разница была. И ещё какая. Уинтер вела себя так, будто ей на всё плевать, но он-то знал, что других друзей у неё нет. Даже Джем с Арианой общались с ней только из-за Саймона, и если он её бросит, она останется совсем одна. Поэтому он обернулся, и несмотря на то, что она явно вот-вот заплачет, лицо Саймона стало каменным, стоило им только встретиться взглядами.

– Если не хочешь идти со мной, то... не надо. Я всё понимаю, – сказал Саймон. – Но собственную природу ты не изменишь. Ты змея, и в этом нет ничего страшного. Это не делает тебя плохим человеком, и ты не стала нравиться мне меньше. А на всех остальных просто не обращай внимания, потому что их мнение ничего не значит.

– Легко тебе говорить, – буркнула Уинтер.

– Нет. Не легко. – Он сомневался, что стоит упоминать про то, что он был единственным представителем Царства Птиц во всей школе, и все его за это ненавидели, ведь Уинтер хотела быть именно Птицей. Но ему и не пришлось. Она и так знала, как ему тяжело, и слова зависли между ними невысказанными. – Но пока мы с тобой друзья... пока мы друзья с Джемом и Арианой, Гаррет и остальные... могут говорить всё, что угодно, потому что они никогда не обратят внимания на то, какой я человек. Какой ты человек, Уинтер. А ты, кстати, крутая. Не особенно вежливая...

Она фыркнула.

– ...Но если бы пришлось выбирать между дружбой с тобой и превращением в орла, я бы выбрал тебя.

Он шагнул назад. Туристы и семьи, расхаживающие вокруг, не обращали на них никакого внимания, но Саймон понимал, что рано или поздно мимо пройдёт кто-нибудь из стаи и узнает их. А попадаться в зоопарке ему нельзя – иначе в третий раз он точно не сбежит.

– Мы останемся друзьями, даже если ты со мной не пойдёшь, – продолжил он, хотя Уинтер упорно не смотрела на него, вместо этого уставившись на голубей. – Но если передумашь, то учти, что я хочу сбежать сегодня. Я не могу потерять маму снова. И терять тебя я тоже не хочу.

Закончив, он развернулся и ушёл, оставляя Уинтер на скамейке в окружении стаи голубей с полупустым ведёрком попкорна.

В Логово Саймон вернулся за десять минут до начала уроков. Феликс заверил, что никто не приходил и не заметил его отсутствия, так что Саймон, захватив по дороге рюкзак, пошёл на нижний этаж, в кабинет выживания в дикой природе, который занимал больше места, чем столовая и яма, вместе взятые. Этот предмет он просто обожал. Ванесса, волчица с волнистыми тёмными волосами, при взгляде на которую Саймон всё время пытался судорожно вспомнить, не сделал ли он что-нибудь плохое, учила их выживать не только в человеческом обличье, но и в животном. Только на её

уроках Саймон чувствовал себя настоящим анимоксом, а не чужаком среди одноклассников, которые всегда были на несколько шагов впереди. Большинство из них выросли в городах, поэтому о самостоятельном выживании знали примерно столько же, сколько и Саймон.

Кабинет выживания в дикой природе состоял из нескольких видов ландшафтов: в углу возвышался лес, у противоположной стены расплывалось болото, а место в конце класса занимала пустыня. Саймон сомневался, что Уинтер придёт, раз пропустила утренние уроки, но всё равно искал взглядом знакомую копну тёмных волос. Её он не обнаружил, зато внимание привлёк взрыв хохота неподалёку. Нола вновь окружала тесная группка зверей. Демонстративно избегая их, Саймон отошёл в сторону леса, к Ариане, восседавшей на поваленном дереве.

– Ну как? – спросила она, когда Саймон присел на соседний замшелый камень и скинул рюкзак под ноги.

– Нашёл. Она кормила голубей, – ответил он. Голубей Уинтер любила так же сильно, как Саймон любил Ориона, – и то, что она добровольно пошла их подкармливать, многое говорило о том, насколько она скучала по жизни в Небесной башне.

– Не понимаю, что она здесь делает, если ей тут так не нравится, – сказала Ариана, разглядывая кончики своих фиолетовых волос. – Должна же у неё быть семья.

Саймон пожал плечами и бросил камушек в бурлящий ру-

чей, протекавший по центру класса.

– Ей никто не нужен, кроме Ориона, а он ни за что её не примет.

– Я бы на месте Уинтер не захотела к нему возвращаться. Он же её бросил, – сказала Ариана, и тут между ними плюхнулся Джем.

– Я взял тебе поесть, Саймон. – Он протянул ему завернутый сэндвич. – С тунцом. Надеюсь, ты его ешь.

– Лишь бы там не было никого из твоих родственников. Спасибо, – сказал Саймон, разворачивая вощёную бумагу. Но перед тем, как заняться едой, он достал из кармана открытку и протянул её Ариане. – Нашёл открытку у статуи дяди. Это от мамы.

– От твоей мамы? С чего ты взял? – спросил Джем. Ариана перевернула открытку и посмотрела на послание. «Вот бы ты был здесь».

– Почерк такой же, как на остальных открытках Саймона, – сказала она, не успел он сам и рта раскрыть. – Писала точно она.

Саймон проглотил кусок сэндвича.

– Открытку принесла птица, но я не знаю, насколько давно её послали. – Он вытер рот и добавил: – Я собираюсь её найти.

Никто не удивился. Вместо этого Ариана осмотрела фотографию, и Джем с интересом заглянул ей через плечо.

– Когда уходим? – спросил он.

– Уходим? – переспросил Саймон.

– Да, уходим. – Ариана передала открытку Джему. – Или ты думал, что мы бросим тебя одного? Да ты даже по парку полетать не можешь, на тебя сразу нападают.

– Но...

– Говори, что хочешь, а спасти твою маму важнее, – сказала Ариана. – К тому же, раз они в Аризоне, то ищут осколок, принадлежащий Рептилиям. Ты хоть что-нибудь о Царстве Рептилий знаешь?

Саймон замялся.

– Они, ну... креативные? И ими управляет совет, а не какая-нибудь Альфа или королева.

– А знаешь, кто стоит во главе совета? – спросила Ариана. Он покачал головой. – Роберт Ривера. Никто его не любит, даже собственные подданные. Обычно Рептилии не влезают в войны анимоксов, но советник Ривера сразу встал на сторону Зверей. Мама всегда удивляется, как он так долго продержался на своём месте, но поговаривают, что несогласные с ним Рептилии частенько бесследно исчезают.

Саймона бросило в дрожь.

– С Риверой нам связываться не обязательно.

– Вот только совет располагается как раз в Райской долине, – сказал Джем, возвращая открытку Саймону. – А раз Орион ищет часть Хищника, она, скорее всего, под охраной совета.

Саймон поник. Прекрасно.

– Значит, придётся с ним как-то договориться.

– Или можешь попросить Уинтер, – сказала Ариана. Саймон захлопал глазами, и она заморгала в ответ. – Ты же в курсе, что её зовут Уинтер Ривера, да?

Он знал, что Уинтер представилась Риверой, когда они пытались проникнуть в ПРИЮТ и их поймал Малкольм. Она говорила, что советник Ривера был её дедом, – это Саймон помнил. Но он всегда думал, что она соврала, – однако, возможно, это была правда.

– Но Уинтер не хочет идти со мной, – сообщил Саймон. – Я уже спрашивал. Она отказалась.

– Ну, тогда придётся её переубедить, – сказала Ариана. – Если мы хотим выяснить, что происходит, то она – наш единственный шанс. Так когда мы уходим?

– После ужина, – сказал Саймон, вновь скользя пальцами по обороту открытки. Шансов убедить Уинтер отправиться с ними немного, но нужно попробовать. – Но я не знаю, как туда добраться.

– Можем поехать на поезде, – предложила Ариана с уверенностью человека, далеко не впервые убегавшего из дома. – У меня есть деньги. Думаю, на поездку до Аризоны и обратно нам хватит.

Если они вернутся обратно.

– Ты же понимаешь, что будет опасно, даже если Уинтер пойдёт с нами, да? – спросил Саймон. – Мама всё ещё у Ориона. Сомневаюсь, что получится спасти её, не встретившись

с ним.

Ариана похрустела костяшками пальцев.

– Отлично. В этот раз он получит по заслугам.

– Генерал не обрадуется, что я ушёл, – сказал Джем, нервно поправляя очки. – Но я ни за что не отпущу вас одних.

– Даже учитывая, что мы уедем в пустыню? – спросила Ариана. Джем сглотнул.

– Переживу.

– Ну-ну, конечно, – съязвила она.

Джем слегка позеленел. Саймона кольнула вина, но он понимал, что отговаривать друзей бессмысленно. Да и хотелось, чтобы они были рядом, как бы эгоистично это ни звучало. Он сомневался, что справится без них.

Вместо того чтобы пытаться развести костёр без спичек, Саймон, Джем и Ариана весь урок шептались, склонившись над ворохом сухого хвороста. Они решили, что даже если Саймон не убедит Уинтер, они встретятся у статуи дяди Дэррила после ужина – так, если кого-то поймают в Логове, остальные успеют сбежать. Идти до вокзала было недолго; если стая их не заметит, то очень скоро они будут на свободе.

Под конец урока на них обратила внимание Ванесса, заявившая, что они должны были добиться хотя бы дымка. Схватив палки, Ариана моментально разожгла костерок. Джем потянул замёрзшие руки к огню, и тут Саймон ощутил на себе чей-то взгляд. Оглянулся через плечо и увидел Нолана. Он сидел неподалёку и смотрел на него.

Саймон отвернулся. Он знал, что должен был рассказать брату про открытку, но тогда Нолан тоже захотел бы отправиться в Райскую долину. Саймон был готов рисковать – но подвергать опасности брата не мог.

Как только уроки закончились, Саймон попрощался с Джемом и Арианой и пошёл в корпус Альфы, намереваясь собрать вещи под предлогом выполнения домашнего задания. Но как только он добрался, его остановил какой-то волк из стаи со шрамами.

– Малкольм ждёт тебя в кабинете, – хриплым голосом сказал он.

– Сейчас? – спросил Саймон. Тот кивнул.

– Он просил тебя сопроводить...

– Я и так знаю, куда идти, – коротко отрезал Саймон. Он не хотел грубить, но ещё меньше хотел снова оказаться у Малкольма в кабинете.

Скрепя сердце Саймон вышел из корпуса и поднялся на второй этаж, стараясь не паниковать. Нет, Малкольм просто не мог узнать про их планы. Они с Арианой и Джемом следили, чтобы Ванесса их не подслушала, а Уинтер вряд ли бы пошла их сдавать.

Может, кто-то заметил их с Уинтер в зоопарке. Саймон ускорился, утопая в зелёной траве, служившей ковром. Или мама связалась и с Малкольмом тоже? Он знал, где она?

Он пошёл ещё быстрее, но, когда добрался до двери кабинета, та оказалась закрыта. Нахмурившись, он хотел было

постучать, но услышал приглушённый голос и остановился. Малкольм с кем-то разговаривал.

Глубоко вздохнув, Саймон глянул через плечо, проверяя, нет ли кого-нибудь рядом, а потом, вопреки здравому смыслу, прижался ухом к двери.

– ...Да, их видели в парке. Точное число неизвестно, – низко прорычал Малкольм. – Нужно подкрепление.

В голосе дяди слышалась непривычная нервозность, Саймон встревожился. По пустякам Малкольм не нервничал.

Несколько секунд он молчал. Затем – заговорил снова.

– Меня не волнует, кого ты пошлёшь. Армия мне не нужна. Но стая нападение не отразит, а если у неё появились союзники из других Царств...

– Что ты делаешь? – поинтересовался кто-то из-за спины Саймона. Тот отпрыгнул от двери, чуть не запутавшись в собственных ногах.

Позади него, скрестив руки, стоял Нолан.

5

Покидая гнездо

– К... – Саймон раскрыл от удивления рот, стоя посреди покрытого травой коридора и пялясь на Нолана. Тот победно ухмылялся, и у Саймона сложилось впечатление, что он спрятался в одном из пустых кабинетов, поджидая его. Это бы объяснило, почему Саймон не слышал его шагов. – Кажется, кто-то готовится напасть на школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.